

ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Крэнцидло Януш

коєндз, профессор, доктор, руководитель отделения аспирантуры
университета кардинала Стефана Вышинского в Варшаве
(г. Варшава, Польша)

Исследователи, занимающиеся интерпретированием Книги Деяния святых апостолов в принципе согласны, что это произведение вписывается в тип древней историографии. Свидетельствует об этом уже заглавие *Prakseis (tōn) apostolōn*, которое на латинский язык переведено как *Acta apostolorum*, а на польский язык как *Dzieje apostołskie* [1]. В греко-эллино-римской древности пользовались термином *prakseis/acta* на определение деяний, описывающих свершения знаменитых персон таких как императоры, военно-начальники победители, а также основатели философских или религиозных школ. Когда идёт речь о более точном определении типа древней историографии, в который вписался бы автор Деяний, то оказываемся перед важной дилеммой и вступаем в пространство бесконечных дискуссий специалистов. В данной статье вкратце проследим главные направления этой дискуссии [2].

Начнём от окружения, которое предполагается было самым близким автору двухтомного произведения, которым являются от Луки святое благовествование и Деяния святых апостолов, то есть от Ветхого Завета. Здесь должны мы найти много общих типичных черт, поскольку известно, что в каноне Ветхого Завета находится аж 21 книга, которые характеризуются как исторические (Быт., Исх., Лев., Чис., Втор., Нав., Суд., Руфь, 1 – II Сам., 1 – II Цар., 1-2 Пар., Езд., Наум., Тов., Иудифь, Эсф., 1–2 Мак.) [3]. Общим идейным знаменателем тех книг Ветхого Завета и автора Деяний является убеждение, что описываемые происшествия являются этапами истории спасения, которые Бог реализует в описанных событиях. С одной стороны Лука сознаёт, что описываемая им история является продолжением рассказа о интервенции Бога в судьбы избранного народа. Однако с другой стороны автор Деяний доказывает, что воплощение Божьего Сына и Его миссия в мире, кульминацией которой были мучения, смерть, воскресение и в небо вступление, принципиально открывают новый этап в истории спасения мира, реализуемый теперь в Церкви, который подготавливал Ветхий Завет. Кроме этих идейных совпадений и несовпадений указывается на конкретные фрагменты Книг Ветхого Завета, которым Лука мог подражать, подыскивая типовые образцы. Прежде всего это: Наум. 9,6–38, 2 Цар, 2 Мак, в которых усматривается наиболее типовых совпадений с Деяниями [4]. Однако нужно признать, что ни одна из книг Ветхого Завета (или его фрагментов) не являлась типовым образцом для модели историографии, применённой автором Деяний.

Когда речь идёт о типовом совпадении между Деяниями и греко-эллино-римской историографией, то нужно признать, что они являются многочисленными. В период перелома эр – древней и современной – тип историогра-

фический был популярным способом повествования о достижениях римской империи. Однако римские авторы не выработали здесь какой-либо новой модели, а вписывались в образцы, выработанные в греко-эллинической культуре. Вообще говоря, греко-эллиническая древность выработала две модели историографии. Первое из этих течений появилось благодаря Геродоту из Галикарнаса (родился около 484 г.), который сегодня справедливо считается отцом истории. Геродот написал произведение *Historiai* (*Dzieje*/ досл. *Historie*), в котором рассказывает о истории войн греков с персами. Это произведение не является продуктом сидящего за письменным столом мыслителя, а выросло как плод путешествий автора, во время которых он старательно копил факты, проводя опросы очевидных свидетелей событий. Геродот не описывает сухие факты, а запись фактографичную соединяет с домыслами и мифами. Он не пишет истории отражающую взгляды какой-то одной фракции, а охотно сопоставляет противоречащие одна другой в данный момент характеристики на ту же тему. Деяния Геродота также являются совершенным источником познания верований и обычаев народов, которых автор посещал. Геродот не устанавливает отчётливой границы между фактографией, а реальностью мира богов потому, что верит, что человеческая история в сущности является реализацией божеских намерений. Поэтому также вмешательство богов в судьбы героев является для него чем-то очевидным. Исторические события у него переплетаются с мифологией, которой он придаёт историческую ценность.

Второе течение древней историографии, которое находило применение в период перелома эр, было выработано Фукидидом с Афин (рождён между 471 и 460 гг.). Его методологическая модель занятия историей описана в произведении Пелопоннесская война, отображающая военные события между Афинами и Спартой (431–404 годы). Иначе чем Геродота, Фукидида не интересуют мотивы географические и этнографические, а всё его внимание концентрируется на хронологическом ходе этого вооружённого конфликта. К имеющимся источникам Фукидид старается подходить критически и объективно. Опираясь на скрупулёзный анализ событий, делает выводы относительно прошлого. Иначе чем Геродот, Фукидид полностью исключает вмешательство богов в судьбы мира. Вообще, все историографы территории бассейна Средиземного моря на проломе эр вписываются в эти два направления [5]. Если бы мы искали конкретных параллелей между автором Деяний, а каким-либо другим историографом того времени, необходимо было бы указать на многочисленные сходства с Полибием из Мегалополиса (около 200–118), автора Деяния Рима. Формальные элементы, конституировавшие способ повествования истории содержат много сходства с Деяниями. Конечно автор Деяний как человек хорошо образованный вероятно был знаком с произведением Полибия, как и с Фукидида и многих других древних писателей, занимающихся историографией. Однако нельзя утверждать, что автор Деяний, заимствовал у кого-нибудь из них способ описания истории рождающегося христианства. Лука является здесь без сомнения автором оригинальным, а Деяния являются замечательным и оригинальным произведением раннехристианской историографии.

Стоит коснуться здесь ещё одного вопроса. Каждый читатель Деяний ставит себе вопрос, являются ли рассказываемые в этой книге чудеса, исцеления,

пророчества и многочисленные иные сверхнатуральные события имеющими историческую ценность, или являются утопией. На основании вышесказанного необходимо заключить, что автор Деяний является историком *par excellence*, который квалификацией не отходит от иных древних произведений, признанных историческими. Его способ занятия историей не вписывается в течение Фукидида, отрицающее сверхъестественные явления, а является более близким течению, которому дал начало Геродот из Галикарнаса. Согласно этой норме каждое описываемое событие имеет теологическое значение. Людские действия являются укорененными во времени и пространстве, однако не являются они автономным миром в отношении трансцендентальной действительности. Согласно методологии историографии течения Геродота все события людской истории имеют теологическое измерение и являются реализацией божьих намерений. Прикладывая этот образец до Деяний, необходимо признать, что описываемые в этой книге события прежде всего не являются сообщениями фактографическими, а рассказом о истории спасения человечества Богом.

Поэтому можно ли утверждать, что включение в повествование Деяний сверхъестественных явлений придаёт этому историческому повествованию характер утопический? Ни в коей мере! Историография утопическая имела своё место в античной древности. Такую историографию творили, например, Ямвлих или также Евхемер из Мессины, которые описывали утопические сообщества, живущие в далёких странах или на далёких островах. Такие рассказы были исторически стилизованными, однако по идее имели утопический характер, сознательно вырванный из реального географического и временного контекста. Авторы, занимающиеся утопической историографией, вводили в свои произведения рассказы о многочисленных чудесных явлениях, не ожидая от своих читателей, чтобы они принимали их за правду. Прежде всего, должны были они служить развлечению читателя. Лука, описывая Деяния Апостолов, укореняет рассказ в конкретном месте и времени. Не показывает он рождающегося христианства как утопической идеальной общности, а пишет о конкретных проблемах и трудностях, с которыми должны бороться последователи Христа.

Рассказываемые в Деяниях чудесные явления должны наглядно показать читателям, что рождающееся христианство вписывается в извечный план Божьего провидения. Эти чудесные события, выходящие за натуральный порядок, являются свидетельством динамичного присутствия Бога, который силой своего Духа управляет судьбами мира.

Literatura

1. Эти вонпосы обсуждает напр. W. Rakocy, „Będzicie moimi świadkami...” (Dz 1,8) (Dzieje Apostoiskie), в: J. Frankowski, S. Mędaia (red.), Dzieje Apostoiskie, Listy św. Pawła, Wprowadzenie w myśi i wezwanie ksiąg biblijnych 9. – Warszawa, 1997. – С. 14–17.
2. Обширнее см. J. Kręcidło, Dzieje Apostoiskie na tie starozytnej historiografii, Biblica et Patristica Thoruniensia 1 (2008). – С. 17–33.
3. Здесь следуем за: Septuagintą. В древнееврейской Библии книги Нав., Суд., 1-2Цар., 3-4Цар., причисляются к своду Пророков.

4. Больше на эту тему см. J. Jervell, *The Future of the Past: Luke's Vision of Salvation History and Its Bearing on His Writing of History* в: B. Witherington III (red.), *History, Literature, and Society in the Book of Acts*. – Cambridge, 1996. – С. 104–126.
5. Подробные сходства и отличия обсуждены в статье: J. Kręciło, *Dzieje Apostolskie na tle starożytnej historiografii*, особенно на страницах 28–31.